

К истории написания
М. Булгаковым
и В. Вересаевым
пьесы
«Александр Пушкин»

приниматься Вами как простой совет, ни к чему не обязывающий... Вообще — весь останусь к Вашим услугам. Ваш В. Вересаев.

26.07.1935

«Пишу Вам, дорогой Викентий Викентьевич, по московскому адресу, Перхушково мне кажется чем-то очень сложным... У меня побывал режиссер Дикий с дирекцией театра ВЦСПС, просили познакомиться с пьесой. Прочел им... В заграничной поездке мне отказали... и я очутился вместо Сены на Клязьме. Ну что же, это тоже река. Итак, жду от Вас известия и дружески желаю Вам самого лучшего, самого ценного, что есть на свете — здоровья. Ваш М. Булгаков».

Но постепенно работа над пьесой вновь захватила Викентия Викентьевича, и он пишет М. А. Булгакову.

1.08.1935

«Дорогой Михаил Афанасьевич! На этот раз очень обрадовался, узнав, что Вы гуляете не по берегам Сены, Тизра или Арно, а по берегам Клязьмы. Я не мог себе представить, как из такого короткого срока, какой нам остается, вырвать целых три месяца. Пьеса может быть шедевром, но работы над ней еще чудовищно много. После несравненных двух первых сцен идет непрерывное снижение. Сцена дуэли и смерти Пушкина всех, — по крайней мере моих слушателей, — жестоко разочаровывает. Говорят: «Над простой сводкой материала в вашей книге мы не можем удержаться от слез, а тут — остаемся совершенно равнодушными». Центральная по идее сцена на Мойке ужасна по своей серости, и я боюсь, что на ней мы сломаем себе голову. Я написал, — но у меня тоже ничего не вышло... Несколькими раз перечитал пьесу, — и все яснее для меня стала непримлемость многих мест. Махнул рукой и решил все без церемонии переделывать, — как бы, по-моему, это нужно сделать. А там будь что будет: может быть, получатся две пьесы, которых совсем нельзя будет согласовать, а может быть, — как-нибудь соговоримся. Совершенно заново написал сцену у Геккерена, написал сцену дуэли, совершенно изменил все разговоры Дантеса с Нат[альей] Ник[олаевной]. Кажется мне совершенно лишней сцена приво-за раненого Пушкина. Попытаюсь дать сцену последних часов жизни Пушкина и первых часов после его смерти. Между прочим, по поводу Дантеса: от целого ряда слушателей услышал убийственное замечание, которое я сам постеснялся Вам сделать: что романтический Дантес пьесы целиком заимствован из «Записок д'Аршиака» Гроссмана. С этим не поздравись!.. Вы не огорчайтесь и не сердитесь на меня, а я работой увлекся и работаю вовсю. К сентябрю, думаю, кончу. Тогда сойдемся. Как? Врагами? Или оба — с одним только желанием, чтобы пьеса вышла как можно лучше? Ваш В. Сидович».

16.08.1935

«Дорогой Викентий Викентьевич! Я закончил изучение Вашего материала, который мне вручили у Вас на квартире. Итак прошу у Вас внимания, хотя бы в той мере, как Вы уделите его Вашим слушателям (на самом же деле мне следовало бы уделить его больше)... Вы выразили опасение, что на сцене Мойки мы сломаем себе голову, и добавили, что у Вас с нею тоже ничего не вышло. К счастью, в первом, как это мне уже доказали вахтанговцы и как я сам это понимаю чутьем, Вы ошибаетесь — сцена на Мойке готова и сильна, а относительно второго я с Вами согласен: Ваш вариант не вышел, и это вполне понятно. Нельзя же, работая для сцены, проявлять нежелание считаться с основными законами драматургии... Да, вы сломили голову этой сцене, но новой сцене не построили. Выход простой, он был ясен давным-давно — не нужно было трогать этой сцене...»

Викентий Викентьевич, сказать, что мой Дантес плох, — можно, но этого еще недостаточно — нужно показать другого Дантеса. То, что Вами написано, это не только не Дантес, это вообще никто, эту роль даже и сыграть нельзя... Я знаю, что русские литературные споры кончатся тем, что каждая сторона остается при своем мнении. Я хочу открыть, почему я так яростно воюю против сделанных Вами изменений.

Потому что Вы сочиняете — не пьесу.

Я Вас прошу... предоставить мне возможность от-

делать пьесу (еще раз повторяю, она готова). И, наконец, сдать ее вахтанговцам.

Вы ознакомились с окончательным экземпляром, и, если принципиально не примете моих трактовок, я подпишу пьесу один. В материальные наши отношения, как мы уговорились, это не вносит никаких изменений.

Из этого, конечно, никак не следует, что мы должны сделаться врагами.

Чем скорее Вы дадите мне ответ, тем более облегчите мою работу. Я, Викентий Викентьевич, очень устал. Ваш М. Булгаков».

Это был уже ультиматум. И Викентий Викентьевич его принял.

22.08.1935

«Дорогой Михаил Афанасьевич! Иного ответа я от Вас и не ожидал. Мне ясен основной источник наших несогласий — органическая Ваша слепота на общественную сторону пушкинской трагедии. Слепота эта и раньше была в Вас сильна, а теперь, отуманенному похвалами поклонников, Вам еще труднее почувствовать дефекты Вашей пьесы в этом отношении. Показательна история разговора Николая с Жуковским на балу. Я Вам предложил в качестве материала схему этого разговора. Вы ее отвергли и заставили Николая негодовать только... на фрик Пушкина! Под моим давлением Вы ввели упоминание о декабристах и Пугачеве, но настолько этим не смогли зажечься, что, не переплавав, механически вписали в пьесу мою черную схему... Та же слепота сказывается и в большинстве других возражений».

В разговоре «двух камергеров» Вы усмотрели только разжевывание публике завуалированных Вами отношений Николая к Наталье.⁴ Разговор, с одной стороны, рисует для нас невероятное, но исторически верное холочество людей высшего света, за великую честь почитающих власть императору в постель своих жен и дочерей; с другой — рисует моральное в этой среде одиночество Пушкина, суммирующееся с прочими его одиночествами — общественным, литературным, семейным и пр. Для Вас это — только жирная точка.

Геккерен, — мелкий мерзавец, которого брезгливо сторонились другие члены дипломатического корпуса, — слишком, видите-ли, упрощается и чернеет, если он будет показан еще и как беззастенчивый спекулянт. Исторически верная и полная характеристика Геккерена и его содержанки Дантеса, — фактически убийц Пушкина, — это «боковой номер» для пьесы!.. «Слишком черно!». Почему же Вы в «Турбинных» сочили возможным одними черными красками рисовать полковника — крысу и звероподобных петлюровцев?..

Ну, да что продолжать! Мы говорим на разных языках. Я только одного не понимаю, Вы глубоко убеждены в полной несценности всего, мною предложенного. Почему же Вы так настойчиво протестуете против предложения театру на сравнение и моих вариантов? Театр с улыбкою их отвергнет, Вы докажете свою правоту, и все будет очень хорошо.

Я за лето измучил Вас, Вы измучили меня. Оба мы готовы друг друга ненавидеть. Дальше идти некуда. Делайте с пьесой, что хотите, отдавайте в театр в том виде, в каком находите нужным. Я же оставляю за собой право, насколько это для меня окажется возможным, бороться за устранение из Вашей прекрасной пьесы часто изумительно ненужных нарушений исторической правды и усиление ее общественного фона. Преданный вам В. Вересаев».

«Дуэль» между М. А. Булгаковым и В. В. Вересаевым состоялась. Теперь осталось лишь уладить деловые вопросы. И Викентий Викентьевич приписывает в конце письма:

«Пора бы нам заключить договор о наших правах на пьесу и уточнить наши взаимоотношения как соавторов. Я, например, полагаю, что если Вы считаете себя вправе прочесть пьесу Дикому, так и я вправе прочесть ее в Пушкинской комиссии».

27.08.1935

«Дорогой Викентий Викентьевич! Я получил Ваше письмо от 22 августа, в котором Вы пишете, чтобы я отдавал пьесу в театр в том виде, в каком нахожу нужным... Выправив пьесу, я направлю Вам копию окончательного экземпляра, на котором поставлю,

как ставили и раньше, две фамилии — М. Булгаков и В. Вересаев. Если Вы, ознакомившись с окончательной редакцией пьесы, пожелаете подписать ее вместе со мною, я направляю ее с двумя подписями в театр. Если же Вы пожелаете снять свою подпись и известите меня об этом, я пошлю пьесу в театры под одной моей фамилией.

Относительно чтения пьесы: Вы имеете право читать пьесу частным лицам, я имею право читать пьесу частным лицам и всем режиссерам, директорам и представителям любых театров, которым я найду нужным читать, — в силу того, что по нашей договоренности на меня возложена работа по заключению договоров с театрами и такие чтения являются не только моим правом, но и обязанностью.

Пушкинской же комиссии или иным каким-нибудь комиссиям или учреждениям ни Вы, ни я не имеем права читать пьесу порознь...»

Относительно договора между соавторами: конечно, его надо заключить. Ввиду того, что Вы объявлением борьбы создали тяжелое по запутанности положение, я предоставляю Вам выработать форму договора. Мы обсудим ее и, в случае отсутствия разногласий, подпишем договор.

Одно положение в этом договоре я вижу как бесспорное и незыблемое: соавторы делят гонорар по этой пьесе пополам, то есть один соавтор получает 50% и другой также — 50%.

Ваш М. Булгаков».

19.12.1935

«Дорогой Михаил Афанасьевич! В соответствии с выраженным Вами согласием я решаю снять свое имя с нашей пьесы «Александр Пушкин», каковую прошу впредь именовать просто: «М. А. Булгаков. Александр Пушкин». Об этом уполномочиваю Вас сообщить театрам, с которыми мы заключили договоры. Театр Вахтангова я извещаю сам. Преданный Вам В. Вересаев».

Пьесу ожидала нелегкая судьба. Театр имени Евг. Вахтангова ее не поставил. Не была поставлена она ни в «Красном театре» Ленинграда, ни в театре Красной Армии в Киеве, ни в харьковском Русском драматическом театре имени Пушкина, с которым в разное время были заключены договоры на постановку.

Почти три с половиной года спустя М. А. Булгаков вдруг прислал В. В. Вересаеву следующее письмо:

11.03.1939

«Дорогой Викентий Викентьевич! Давно уж собирался написать Вам, да все работа мешает. К тому же хотел составить наше соглашение по «Пушкину». Посылаю его в этом письме в двух экземплярах. Если у Вас нет возражений, прошу подписать оба и вернуть мне один... Хотел бы повидеться с Вами. Вы знаете ли Вы свободны вечерами? Я позвоню Вам и зайду. Будьте здоровы, желаю Вам плодотворной работы».

Ваш М. Булгаков».

В тот же день В. В. Вересаев подписал присланное М. А. Булгаковым соглашение, по которому гонорар за пьесу «Александр Пушкин», «как при постановке на сцене, так и при напечатании», должен быть разделен между обоими соавторами пополам.

Ввиду же выраженного В. В. Вересаевым желания, принятого М. А. Булгаковым, «пьеса подписывается одной фамилией — М. А. Булгаков».

К этому соглашению В. В. Вересаев приложил письмо:

12.03.1939

«Дорогой Михаил Афанасьевич! Посылаю Вам один из экземпляров нашего соглашения. Недоумеваю, для чего оно теперь понадобилось. Или явилась надежда на постановку?»

15/III я, вероятно, на месяц, уеду в санаторий. Но вообще мне, конечно, очень было бы приятно встретиться с Вами, и мне не нужно в этом заверять Вас, Вы должны это чувствовать сами. Крепко жму Вашу руку. Ваш В. Вересаев».

22 января 1940 года М. А. Булгаков заключил договор с МХАТ имени А. М. Горького на постановку пьесы «Пушкин» не позднее 1 апреля 1941 года, но постановку эту Михаил Афанасьевич не увидел: 10 марта 1940 года его не стало. Премьера пьесы, уже под другим названием — «Последние дни», состоялась лишь в 1943 году. Пьеса шла на сцене театра в течение шестнадцати лет.

Публикация Е. ЗАЙОНЧКОВСКОГО

³ Имеется в виду книга В. Вересаева «Пушкин в жизни».

⁴ Разговор «двух камергеров» не был включен М. А. Булгаковым в текст пьесы.